

**ИСТОРИЯ СЕЛЬСКИХ ХРАМОВ И СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО
ОРЕНБУРГСКО-УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XIX ВЕКОВ**

**НАГАЙБАЦКАЯ КРЕПОСТЬ
СЕЛО НАДЕЖДИНО (КУРОЕДОВО)**

В границах современной Уфимской епархии православные храмы появились уже в конце XVI века, времени присоединения Башкирии к России. В 1570-80-х годах в Уфе на берегу реки Белой, у подножия холма, на котором строился Уфимский острог, московскими стрельцами была поставлена первая деревянная Троицкая церковь. При речке Усолке (в районе нынешнего санатория “Красноусольск”) с конца XVI в. существовал Вознесенский Пречистенский мужской монастырь. Первые сельские церкви были построены в старинных дворцовых селах: Николо-Березовке (в XVI в.) и Богородском (в 1622 г.). В первой половине XVII в. селами (то есть в них уже существовали церкви) считались: Архангельское (будущий город Бирск); Дуваней; Красный Яр; Покровское (Гребени тож); Рождественское (Печенкино тож). Православное духовенство в крае, возможно, появилось и ранее основания первых храмов и монастырей, так как русские воинские отряды, проникавшие на территорию Башкирии после падения Казанского ханства, часто имели в своем составе дружинников-монахов. Кроме того, уфимские историк XIX в. Р.Г.Игнатьев записал предания о монахах-отшельниках еще задолго до основания Уфы живших по берегам реки Белой. [1]

С конца XVI в. православие края административно находилось в ведении Казанского митрополита, в 1764 г. Уфимская провинция была причислена к Вятской епархии, за исключением Оренбурга и Мензелинска, которые оставались в Казанской митрополии. В 1798 г. Священный Синод определил присоединить города Уфу, Бирск, Стерлитамак, Оренбург, Белебей, Бугуруслан, Бугульму и Бузулук к Казанской епархии.[2] Оренбургско-Уфимская епархия была образована указом Императора Павла I от 16 октября 1799 г., 13 ноября 1799 г. архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Амвросий (Келембет) посвящается в сан первого епископа Уфимского и Оренбургского и по словам уфимского историка Ю.Н.Сергеева “отправляется в самую бедную епархию Российской Империи”. [3] Епископ Амвросий прибыл в Уфу 21 января 1800 г. Какой увидел свою епархию преосвященный во время долгого зимнего пути? Бескрайняя заснеженная равнина, редкие поселения, еще более редкие церкви. В “Воспоминаниях” С.Т.Аксаков так описывал поездку в 1799 г. из Ново-Аксакова в Казань. “Езда зимой на своих, по проселочным дорогам тогдашней Уфимской губернии, где по целым десяткам верст, не встречалось иногда ни одной деревни, представляется мне теперь в таком

ужасном виде, что сердце замирает от одного воспоминания... Кормежки и ночевки в дымных избах вместе с поросятами, ягнятами и телятами, нечистота, вонь... не дай Бог никому и во сне все это увидеть. Не говорю уже о буранах, от которых иногда надобно было останавливаться в какой-нибудь деревушке, ждать суток по двое, когда затихнет снежный ураган”.[4] Образно описал С.Т.Аксаков в “Семейной хронике”, переселение дедом Багровым своих крепостных крестьян в новое имение в Оренбургской губернии: “...потянулись в путь бедные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь с стариною, с церковью, в которой крестились и венчались, и с могилами дедов и отцов. Переселение, тяжкое везде, особенно противно русскому человеку; но переселяться тогда в неизвестную басурманскую сторону, про которые, между хорошими, ходило много и недобрых слухов, где по отдаленности церквей, надо было и умирать без исповеди и новорожденным младенцам долго оставаться некрещеными, - казалось делом страшным!” (1; 64)

В конце XVIII в. Оренбургская губерния и соответственно Оренбургская епархия включала в себя огромную территорию - около 280 тысяч квадратных верст: 500-800 верст с востока на запад, 140-550 верст с севера на юг.[5] [верста - примерно 1,1 км., авт] По современному территориальному делению в Оренбургскую губернию и Оренбургско-Уфимскую епархию входили Республика Башкортостан, Оренбургская область, части Челябинской, Пермской, Самарской, Ульяновской областей и значительная часть Республики Татарстан. По материалам V ревизии (1795 г.) в ней проживало 761873 человека обоого пола, из них русское население составляло 46% - 352000 человек.[6] В губернии насчитывалось 3605 населенных пунктов: 13 городов, 3 пригородка, 40 крепостей, 30 слобод, 82 села, 3408 деревень.[7] В сельской местности, таким образом, на одно село с церковью приходилось примерно 40 приходских деревень. В 1800 г. в Оренбургской губернии было 940 священно- и церковнослужителей. По уездам, включая служивших в уездных городах, численность духовенства была следующей: в Оренбургском уезде – 75 (из них 7 заштатных) , Бузулукском – 145 (из них 2 заштатных), Бугульминском – 161, Мензелинском – 129, Бирском – 63 (из них 1 заштатный), Стерлитамакском – 28, Уфимском – 131 (из них 1 заштатный), Челябинском – 131, Троицком – 58 и Верхнеуральском – 19 (из них 1 заштатный). [8] К концу XVIII в. на территории современной Башкирии в городе Уфе было семь церквей и два монастыря, в селах, крепостях и заводских поселках - около 30 церквей.[9]

Большинство первоначальных православных церквей в Уфимском крае были деревянными и не дошли до наших дней. Еще до революции 1917 г. на месте одних были построены новые каменные храмы, другие уничтожены в советский период. До сегодняшнего дня в Уфимской епархии сохранилось только шесть церквей построенных до 1800 г., все они каменные. Полностью отреставрирована пока только одна –

Димитриевская в селе Надеждино. Сведений о первоначальном православном духовенстве, служивших в Уфимском крае, начиная сохранилось очень немного.

История православия в крае и история Оренбургско-Уфимской епархии начала привлекать внимание местных историков с середины XVIII в. Появились публикации об истории отдельных храмов, деятельности епископов. Не случись большевистского переворота, несомненно, эти исследования были бы продолжены. С начала 1990-х гг. историки и краеведы вновь обратились к истории епархии. Появились новые работы о духовенстве епархии, но рядовое, а особенно сельское духовенство остается практически неисследованным. Основным препятствием, при работе над этой частью истории епархии является недостаток источников, особенно по периоду до середины XIX в. Архив Уфимской Духовной Консistorии был утрачен во время гражданской войны. Основными источниками в местных архивах на сегодняшний день являются дореволюционные выпуски “Уфимских епархиальных ведомостей” (но издание их началось только с 1879 г.) и метрические книги. В Уфимском историческом архиве метрические книги сельских церквей сохранились в основном с 1850-60 гг., первой половины XIX в. их буквально единицы. Из самых ранних метрических книг сохранилось только три, все они конца XVIII в., времени образования Оренбургско-Уфимской епархии: Нагайбацкой крепости (с 1781 г.), села Гребеней (с 1795 г.) и села Надеждина (Куроедова) (с 1799 г.).

Служившие 200 лет тому назад, почти на краю цивилизации скромные сельские священники, дьяконы, дьячки и пономари Уфимского края, кажется, не были вершителями великого исторического процесса. Они просто веровали, крестили, венчали, отпевали, учили грамоте, врачевали, утешали таких же маленьких людей, какими были сами, терпели притеснения от “великих мира сего”. Достойны ли они и их небольшие биографии для изучения историков или хотя бы краеведов? Видимо, да. В настоящий момент европейская история в большей степени интересуется или великими обобщениями или так называемой малой историей на уровне провинция-город-поселение-дом-отдельная личность. Поскольку величие духа, мужество, смирение, талант удел не только великих людей, но и, возможно, в большей степени тех, кого совершенно незаслуженно называют “маленькими людьми”. И только из этих маленьких элементов состоят такие две громады как человечество и его история.

Эту статью о сельском духовенстве конца XVIII - начала XIX вв. Уфимской епархии и истории сельских храмов, в которых они служили, я хочу посвятить памяти моего предка, пономаря Алексея Федоровича Монбланова служившего в начале XIX в. в церкви села Левашова Оренбургско-Уфимской епархии. Работа основана на материалах Уфимского исторического архива, опубликованных источниках и литературе.

НАГАЙБАЦКАЯ КРЕПОСТЬ

Нагайбацкая крепость - сейчас небольшое село Нагайбак или Нагайбаково на северо-востоке Республики Башкортостан (Бакалинский район), расположенное на правом берегу реки Ик.

Историк и географ XVIII в. П.И. Рычков в своей “Топографии Оренбургской губернии” приводит две легенды о происхождении названия этого места “...Звание происходит от жившего на сем месте башкирца, кой назывался Нагайбак, и юрт его назывался по нем деревней Нагайбаковой”. По другой легенде “...Сказывают, что тут бывал город, и живали в нем якобы нагайцы”. По сообщению П.И.Рычкова “...в кружности сей крепости издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещенные и иноверцы. Что до первых принадлежит, то их для отличности от нынешних новокрещенных, пристойнее б старокрещенами именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников, восприяли святое крещение; но в таком были невежестве и незнании христианского благочестия, что почти никто из них российского языка не умел, а различались от прочих иноверцев одним только званием новокрещенским, и что в избах у них у всех были святые образа, а церквей нигде в жительствовах их не было”. До башкирского восстания в 1736 “...все они платили в казну ясак, а в том году по именному указу блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны за то, что они к бунтовщикам башкирцам не приставали, и, служа противу их верно, претерпели от них многие разорения, ясак с них снят, и все те земли, на коих они, платя башкирцам оброки жительствовали, отданы в собственное их владение; а затем велено им служить казачью службу, которую они по Оренбургу и служат. [10]

В настоящее время большинство исследователей считают, что нагайбаки переселились в этот район во второй половине XVII в. после возведения системы оборонительных укреплений - Закамской засечной линии (1652-1656 гг.) и считались “старокрещёными”, т.е. принявшие христианство не позднее XVI – XVII вв., а возможно и много ранее. В первой четверти XVIII в. они жили в 25 деревнях Уфимского уезда.

Откуда они пришли - существуют две основные гипотезы.

Нагайбаки:

- казанские татары-христиане (или кряшены) из центральных районов Казанского ханства из Заказанья (нынешние Арский и Балтасинские районы Татарии), по мнению некоторых исследователей не бывшие изначально мусульманами и принявшие христианство возможно еще в болгарский период;

- ногайцы-кыпчаки в XIV в. мигрировавшие в Среднее Поволжье из Приазовья, частично затем смешавшиеся с кряшенами и затем уже переселившиеся на берега рек Ика и Сюни. [11]

Второе мне кажется более вероятным, так как нагайбаков считают субэтносом кряшен или близким к ним, но самостоятельным этносом. Кроме того, из кряшен (большие группы которых жили в непосредственной близости - мензелинские и бакалинские) только нагайбаков перевели в казачье сословие. Для этого видимо были определенные условия. Трудно себе представить, что бы крестьян одним указом заставили вести военно-сторожевую службу, к которой склонны были скорее потомки кочевников, чем земледельцев. Тут я пытаюсь коснуться вопроса, по которому учеными ведутся дискуссии уже более двух столетий – вопроса о происхождении казачества. Так многие исследователи считают казаков потомками степных кочевых народов принявших христианство (возможно еще в домонгольский период), так Л.Н.Гумилев считал терских казаков потомками хазар-христиан, в целом возводил казаков к крещеным половцам. [12]

Но вернёмся к событиям XVIII века. После подавления башкирского восстания 1736 г., нагайбаки, оставшиеся верным правительству были определены в казачью службу. В этот период по всей территории Южного Урала экспедицией Оренбургской комиссии И.К. Кирилова началось массовое строительство сети оборонительных сооружений. Закладывались новые крепости, которые являлись опорными пунктами оборонительных линий, предназначенных как для защиты российских окраин от возможных набегов со стороны соседей, так и для осуществления конкретных внутривосточных задач - “...для свободного к Оренбургу проезду караванов и обозов, и лучшего содержания башкирской и бухарской сторон в надлежащем подданстве.

Нагайбак или Нагайбацкая крепость была построена в 1736 г. , на обрыве высокого правого берега реки Ик. С востока к ней подступала цепь крутых холмов, кроме того, с севера и юга укрепление защищали глубокие овраги. На казаков крепости под командованием секунд-майора Новикова было возложено “разъезд и охранение” участка между Новой Закамской линией и Шешминской крепостью, они должны были “чинить разъезд до Мензелинска и далее”.

Нагайбакское казачество в этот период стало пополняться представителями других этнических групп, и становилось весьма своеобразным, представляя “самую разнообразную смесь одежд и лиц, племен, наречий и состояний”. По словам историка Уфимской епархии XIX в. К.П.Херувимова: “...обыкновенно выходцев (беглецов) из киргизского плена крестили в Уфе или в Оренбурге, и поселяли на жительство в Нагайбацкой крепости или в приписанных к ней поселках”. В состав нагайбаков вошли крещеные калмыки, афганцы, арабы, аравитяне, армяне, бадакшанцы, бухарцы, каракалпаки, кубанцы, персияне, талыжцы, турки, узбеки и хивинцы.[13] В окрестных селениях жили новокрещённые (крестившиеся в начале XVIII в.) ясачные татары и тептяри,

которые переводились в ведомство Нагайбацкой крепости по мере обращения их в христианство. Кроме того частью нагайбацких казаков стали принявшие христианство башкиры.

В 1737 г. при строительстве Нагайбацкой крепости под командованием секунд-майора Новикова находилось 785 человек: 1 священник, 1 вахмистр, 1 есаул, 2 писаря, 6 оренбургских казаков, 509 крещеных казаков, 264 “новозаписных” башкир и татар.[14] Через девять лет, в 1745 г., во вновь образованном военном поселении по указанию первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева была выстроена деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы. В 1746 г. переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамбет Ураков в Представлении императрице Елизавете Петровне среди прочих сведений об истории башкирского народа, управлении, экономике, социальных отношениях башкирского и другого нерусского населения Уфимского уезда писал; ”...А издревля имелись Уфимского уезду новокрещены около тысячи полторы душ, жительство имели во оном уезде на Казанской, Осинской и Сибирской дорогах в разных деревнях з башкирцами и с татарами в дальних местах от российских городов и сел, особливо для их церквей и священников не бывало. А в прошлом 1736-м году бывший стацкой советник Кирилов, увидя оные их непорядки, построил на Ику реке городок называемую Ногайбацкую крепость, где имеется командир из штаб-афицеров и для обучения их священник, в котором их собрал з женами и детьми, и определен над ними из русских атаман, есаул и писарь. Сложя с них положенный ясак, определил их в казачью службу...” [15] В 1750-х годах в какой то период священника при церкви не было, и службу совершали священники близлежащих сел. П.И.Рычков в “Топографии Оренбургской губернии” писал: “...для приведения ж их [нагайбаков, авт.] в надлежащее знание христианских должностей, Святейшего правительствующего Синода член преосвященный Гавриил, епископ Казанский и Свияжский, будучи в Оренбурге в 1758 году, уведомясь об их состоянии, определил по духовенству ведать и почасту их посещать и исправлять находящемуся неподалеку от Нагайбака, в вотчине советника Рычкова села Спасского священнику, усмотря его к тому пред другими способнейшим”. То есть, священник села Спасского (село ныне находится в Бугульминском районе Татарии) приезжал служить в Нагайбацкую крепость.

П.И. Рычков так описывал Нагайбацкую крепость в 1750-х годах: “Укрепление сего места состоит в том, что все жило обнесено оплотом, а к одной стороне сделан рубленый замок, где канцелярия, воеводский дом, цейхгауз, соляные и провиантские магазины. Жительства ныне в нем 120 дворов. Во всем Нагайбацком округе имеется ныне десять деревень и одно село с церковью. В оных и с Нагайбацкою крепостию служилых казаков числится 1359 человек, которые получают жалованье, провиант и фураж тогда токмо, когда от своих жилищ далее 100 верст командированы бывают. А иначе, будучи достаточно удовлетворены пахотною землею и всякими угождями, должны служить без

жалования”. Население Нагайбака быстро увеличивалось. В 1773 г. в крепости насчитывалось уже до двух тысяч жителей. Для сравнения в Уфе в 1782 г. было 2389 жителей.[15] Службу в крепости несла гарнизонная команда и отряд казаков. Первоначальная Троицкая церковь была холодной, т.е. неотапливаемой. В 1772 г. была построена теплая во имя Архистратига Михаила, служба в которой совершалась только и зимой и в ряде документов Михайло-Архангельская церковь называется приделом при Троицкой.

Внешний вид и быт Нагайбакской крепости мы можем себе представить благодаря произведениям А.С.Пушкина “Капитанская дочка” и “История Пугачёва”. По словам А.С.Пушкина посетившего Оренбургскую губернию осенью 1833 г. “...крепости в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянным по степям оренбургской губернии и около ее границ.” [17] Петр Гринев в “Капитанской дочке”, подъезжая к Белогорской крепости, увидел ее похожей скорее на укрепленное село: “Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором... “Где же крепость?” – спросил я с удивлением. “Да вот она, “- отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломою. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви”. (4; 23)

В конце ноября 1773 г. среди казаков Нагайбацкой крепости вспыхнули волнения, вызванные появлением в окрестных деревнях русско-башкирских пугачевских отрядов. Гарнизонные офицеры, оставив свои посты и подчиненных, бежали с семьями, с группой солдат и унтер-офицеров в Мензелинск. Вскоре казаки крепости и оставшиеся здесь солдаты примкнули к восстанию. В середине декабря Е.И.Пугачев произвел одного из своих соратников, перса-новокрещена В.И.Торнова, в атаманы Нагайбацкой крепости. Вскоре Торнов обрел власть над территорией простирающейся до Казанского уезда. В январе 1774 г. подошедшая к крепости команда екатерининского полковника Ю.Б.Бибикова после короткого боя выбила повстанцев. Торнов со своим отрядом отошел в окрестные селения и, набирая новых бойцов, готовился отвоевать оставленную им крепость. Ю.Б.Бибиков, решив, что повстанцы окончательно разбиты, вскоре отбыл в Бугульму, в Нагайбаке с небольшим гарнизоном остался премьер-майор Афанасий Перский, до этого успешно руководивший обороной Елабуги. Выждав некоторое время Торнов, с подошедшими из-под Уфы отрядом И.И.Ульянова атаковал крепость и овладел ею, сломив недолгое сопротивление гарнизона. В ходе ожесточенного боя повстанцы потеряли около 200 человек, гарнизонная команда – 56. Крепость была предана огню,

многие жители перебиты. Во время обстрела ядро попало в купол церкви, но церковь не сгорела. 70 пленных гусар гарнизона под конвоем были отправлены в Чесноковку. Комендант - премьер-майор Перский подвергся мучительной казни: с него живого содрали кожу.[18] Тела убитых пугачевцы сложили в братскую могилу, которая еще в 1900 г. находилась в огороде приходского священника. На могиле этой сооружен был столб с крестом наподобие часовни. В крепости пугачевцы продержались чуть больше двух недель. Продвигавшийся от Казани корпус генерала А.Л.Ларионова в марте 1774 г. штурмом овладел крепостью. Оборонявшие ее повстанческие отряды отступили к Бакалинской крепости и к Уфе. С весны того же года Нагайбацкая крепость служила опорной базой для команд, подавлявших повстанческое движение.[19]

Такой, в общих чертах, была история Нагайбацкой крепости до конца XVIII в. Что же касается ее духовенства, к описываемому времени постоянный причт в церкви возможно уже был. Нет достоверных данных о бытовой, повседневной жизни прихода. Всё нам известное рисуется в связи и на фоне исторических событий, происходивших в крепости: многочисленные и разноплеменные прихожане, большинство из которых, видимо, с трудом говорили по-русски; военный уклад жизни; бурные события пугачевского бунта. В исследованных источниках я не нашла каких-либо упоминаний о том, какой была судьба нагайбацкого духовенства во время пугачевских событий. По мнению А.С.Пушкина "...Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства". (5; 539) Известны примеры, когда священнослужители, особенно в захваченных городах и крепостях, торжественно встречали Пугачева, как государя Петра III, приводили народ к присяге. Священник села Николо-Березовки Данила Шитов стал даже одним из пугачевских атаманов, и после подавления восстания был казнен.

Но далеко не все духовенство было, по крайней мере, лояльным к восставшим. В примечаниях к "Истории Пугачева" А.С. Пушкин приводит опубликованные списки "жертв Пугачева и его товарищей". В них упоминаются убитыми более 150 человек духовенства и членов их семей, в том числе более 50-ти священников. Во время бунта множество церквей были сожжены и разграблены, данные об этом так же приведены А.С.Пушкиным в примечаниях к "Истории Пугачева" Пострадала и упомянутая выше Спасская церковь в селе Спасском, священник, которой приезжал служить в нагайбацкой церкви. "...Бугульминского ведомства, в селе Спасском, в приходскую церковь въезжали на лошадях и грабили церковную утварь". (5; 538) Как мы уже знаем, в купол Троицкой церкви Нагайбака во время обстрела попало ядро, но о каких либо других разрушениях или разграблении данных нет. Духовенство ее, вместе с мирным населением, было свидетелем кровавых событий - "Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и

беспощадный!”, но видимо не примкнуло открыто к бунтовщикам, и не оказало активного сопротивления, или, по крайней мере, никто из причта не был убит.

Я уже сравнивала Нагайбацкую с Белогорской крепостью. Приведу еще несколько отрывков из “Капитанской дочки” о взятии Белогорской крепости Пугачевым. “...Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади и ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же... Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома... Отец Герасим [священник Белогорской крепости, авт.], бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось молча умолял за предстоящие жертвы”. Затем последовала расправа над капитаном Мироновым, его женой и поручиком Иваном Игнатьичем. “...Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланялись самозванцу... Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин... Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него”. (4; 51,52)

К сожалению, я пока располагаю очень незначительным количеством архивных документов, и могу представить, только в общих чертах какими были священники, дьяконы, дьячки, пономари нагайбацкой Троицкой церкви конца XVIII столетия. Дьячков и пономарей в русской православной церкви нет уже примерно с 80-х годов XIX в., место их заняли псаломщики. Дьячок был помощником священника, не имевшим право самостоятельно совершать богослужение, в обязанности пономаря входило звонить в колокола, участвовать в клиросном пении и прислуживать при богослужении.

В Уфимском историческом архиве хранятся метрические книги Нагайбацкой крепости начиная с 1781 г. Я просмотрела их с 1781 по 1806 гг., и составила примерный список духовенства за эти годы. Систематизировать материал оказалось достаточно сложно; документам более 200 лет, некоторые страницы утрачены, записи сделанные еще так называемым гражданским письмом XVIII в., не всегда разборчивы. За отдельные годы в метрических книгах указаны имена только священников, имена других членов причта есть только в метрических книгах за 1785, 1792, 1794-95, 1800 и 1806 гг. Фамилий у сельского духовенства, даже у священников, в те годы еще не было. Если писалось Семен Матвеев, то “Матвеев”- это отчество.

Священно- и церковнослужители
церкви во имя Живоначальной Троицы Нагайбацкой крепости
в 1781-1806 гг.[20]

<u>Священники:</u>	Примерные годы службы:
Семен Матвеев	1781-1791
Яков Иванов	1781-1806
Федор Иванов	1785-1787
Егор Агафонов	В 1785 г. дьякон, 1800-1806 священник

<u>Дьяконы:</u>	
Семен Никитин	1792-1795
Иван Семенов	В 1785 г. пономарь, в 1800 г. дьякон

<u>Дьячки:</u>	
Семен Иванов	1785-1795
Леонтий Алексеев	1785-1806

<u>Пономари:</u>	
Александр Иванов	1785-1806
Никита Леонтьев	1800-1806

Как видим, служили на одном месте довольно долго. Кто-то из перечисленного духовенства мог быть свидетелем пугачевского восстания. Дьякон Егор Агафонов с течением времени рукоположен во священники, пономарь Иван Семенов рукоположен во дьяконы. Причт Нагайбацкой Троицкой церкви был большой. Например, в 1785 г. служили 3 священника, дьякон, 2 дьячка, 2 пономаря (до 8-ми человек). Вместе с членами семьи духовенство крепости могло составлять целое сословное сообщество.

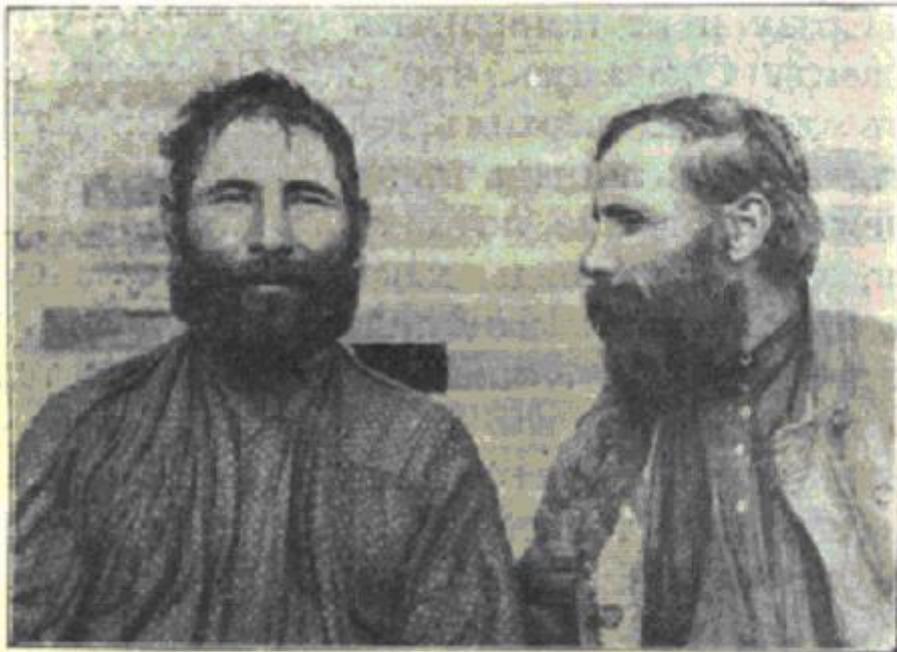
В Уфимском историческом архиве в фонде Уфимской губернской Землеустроительной комиссии, хранится межевой план церковной земли Нагайбацкой крепости, составленный в 1806 г. “Геометрический специальный план Оренбургской губернии Мензелинского уезда вымежеванной изнутри дачи крепости Нагайбацкой по указу Оренбургской межевой конторы к имеющейся той крепости церкви во имя Живоначальной Троицы с приделом Архистратига церковной земли во владении священно- и церковнослужителям”. [21] Церковной земли было достаточно много - 421 десятина. Сенного покоса – 26 десятин, строевого и дровяного леса – 393 десятины, остальное - под проселочной дорогой, рекой и оврагами. Возможно, это не вся земля, так как нет еще пашни. Для сравнения, обычный земляной надел для сельской церкви составлял 33 десятины. [9] Духовенство часто само обрабатывало наделы или сдавало в аренду. Нагайбацкий приход должен был считаться довольно богатым.

При межевании в 1806 г. присутствовали свидетели, в том числе: “...к сему плану крепости Нагайбацкой Троицкой церкви священник Егор Агафонов руку приложил, к сему плану той же церкви дьячок Леонтий Алексеев руку приложил, к сему плану той же церкви пономарь Александр Иванов руку приложил, к сему плану той же церкви пономарь Никита Леонтьев за себя и вместо понятых сторонних людей, коих имена

значатся плана сего в межевой книге, за неумением их грамоте по их прошению руку приложил”. Не только священник, дьячок, но даже и пономари Нагайбацкой церкви были грамотными. Никита Леонтьев, возможно, был молодым человеком, если был сыном дьячка Леонтия Алексеева служившего в Нагайбаке, по крайней мере, с 1781 г. (более 21 года). Пономарь Александр Иванов служил также уже с 1781 г. Вопреки сложившимся представлениям духовенство в XVIII и даже в XIX вв. было самым образованным сословием в Российском государстве. В 1897 г. по данным первой всеобщей переписи населения по Уфимской губернии, например, среди дворян и чиновников, грамотных было 56,9%, среди духовенства -73,4%, городских сословий -32,7%. Среди дворян и чиновников, получивших образование выше начального, было 18,9%, среди духовенства - 36,8%, городских сословий - 2,75. [22]

Дальнейшая история Нагайбацкой крепости вкратце была такой.

В XIX столетии Нагайбак постепенно теряет свое оборонительное значение, и в 1842 г. бывшие в крепости казаки переводятся на новые укрепленные линии в Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии. Там они основали новые селения. – Кассель, Остроленко, Фершампенуаз, Париж, Требий, Краснокаменск, Астафьевский и др. Некоторые были названы в честь побед в войне 1812 г., в которой участвовали нагайбакские казаки. В 1909 г. в Москве была издана книга М.А.Круковского “Южный Урал. Путевые очерки”. Автор, путешествуя по Уралу, был и в станице Ключевской, населенной нагайбаками. Вот как их описывал Круковский: “...Нагайбак среднего роста, сухощав, фигура несколько неуклюжа; густые жесткие волосы черны, как смоль, щели глаз узкие, а лицо округлено настолько, что монгольская скуластость сильно скрывается... Наряд нагайбака ничем не отличается от обыкновенного костюма русского казака; но зато женщины до сих пор сохранили свои старинные наряды и сберегли свои узоры и краски”. [23] Наряд нагайбачки состоял из своеобразного кокошника прикрытого сверху платком, платья-рубахи и передника. На груди женщины носили “громadнейшие украшения – монисты в роде ожерелья” из старинных монет, пришитых к подкладке-нагруднику. Монеты были русские, арабские, персидские и даже китайские. В станице была деревянная церковь, священник ее был из нагайбаков.

Типы нагайбаковъ.

Нагайбачки.

Иллюстрации из книги М.А.Круковского “Южный Урал. Путевые очерки”

Нагайбаки около 11 200 человек (в начале 1990-х годов получившие статус коренного малочисленного народа РФ, закрепленный постановлением правительства от 24 марта 2000 г.), живут в Челябинской области и по сей день. На юге области есть село Нагайбаково и Нагайбакский район.

Старая Нагайбакская крепость в середине XIX в. была упразднена, превратившись в село. После того, как ее покинули казаки, в Нагайбаке стали селиться русские крестьяне, но какая то часть нагайбаков, осталась, и их потомки наряду с бакалинскими кряшенами живут в Бакалинском районе до сих пор.

В 1873 г. по данным из “Справочной книги Уфимской губернии” в селе Нагайбаке была церковь “...Святой Троицы... деревянная, с приделом святого Михаила Архангела; построена в 1745 г. Причта: 2 священника, дьякон, 2 причетника, с жалованием 196 р. 98 к., земли пахотной 195 десятин, лугов 26 десятин, лесу 393 десятины. Прихожан, в селе и деревнях: Смысловке, Усе, Карпове, Ниловке, Булановке, Калалаевке, Казанчах и Иштеряке, мещан, солдат, бывших помещичьих и государственных крестьян, 269 дворов – 1010 мужчин и 1076 женщин; есть и раскольники. Училище с 1866 г., в 1869 г. было 12 мальчиков. Церковь от г.Уфы в 200, - благочинного в 150 верстах”. [24]

В 1897 г. по сведениям историка Уфимской епархии И.Е.Златоверховникова, автора книги “Уфимская епархия” в селе Нагайбак Белебеевского уезда были: “Две деревянные церкви – зимняя и летняя; первая, во имя Архистратига Михаила, построена в

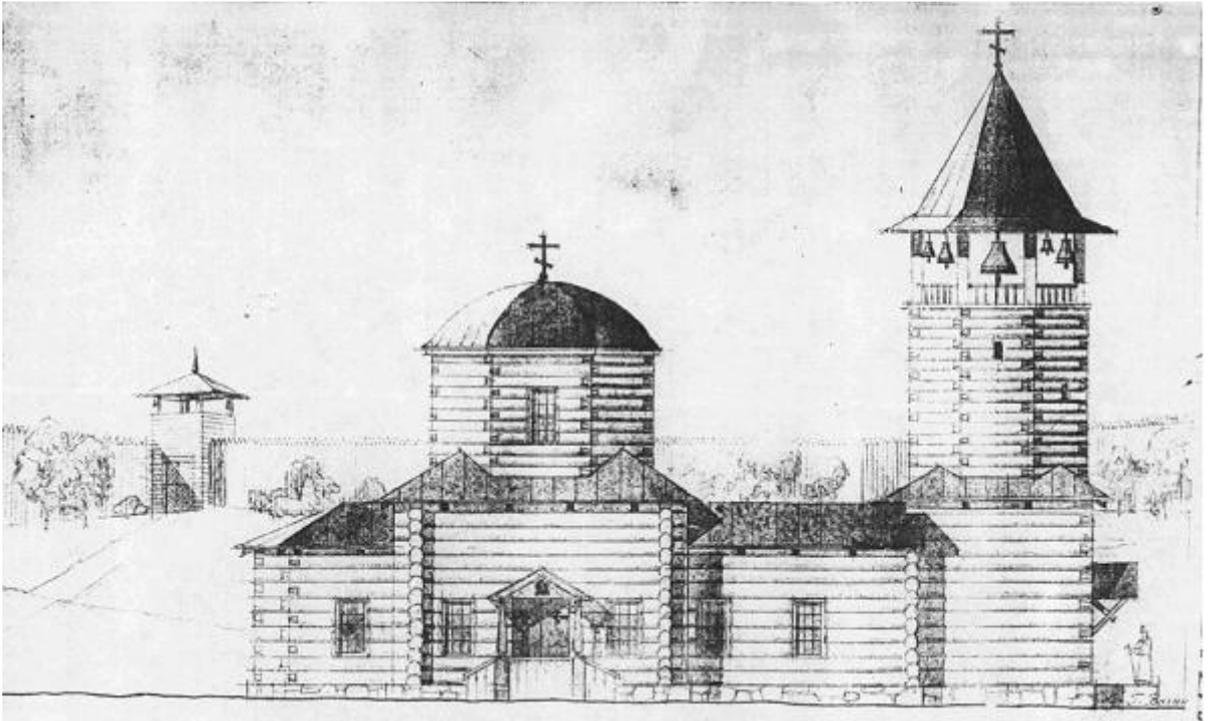
1772 г., а вторая во имя Живоначальной Троицы, построена в 1745 г. При церкви есть попечительство, на средства коего церкви застрахованы в 1000 р. Причт, - священник и 2 псаломщика, получает казенного жалования 96 р. 74 к., от прихода за требоисправление до 300 р. и ругу; помещается в собственных домах. Земли при церквях 600 дес.; ею пользуется причт. В селе есть церковно-приходская школа, открытая в 1883 г., в приходской д.Смыловке – школа грамоты с 1890 г. и в д.Батрак – миссионерская школа. Приход состоит из села и 7-ми деревень с 2012 душ обоого пола (949 мужских и 1043 женских), в том числе 163 души старокрещеных татар”. [25]

По рассказам жителей села Нагайбаково, Троицкая церковь – летняя, построенная в 1745 г. была большей по размерам, ее купол пробило пугачевское ядро. Место пролома было заделано котельным железом и оставлено как своеобразный памятник, есть данные (уфимского историка В.Скачилова), что церковь за ранение, даже получала от правительства пенсию. Архангельская – зимняя, построенная в 1772 г., меньшая по размерам, без колокольни с одним куполом, находилась примерно в 50 метрах к северу от Троицкой.

После Революции нагайбакские церкви и их духовенство разделили трагическую судьбу большинства православных храмов России. В 1934 г. священником в Нагайбаке был Иаков Романов. В Уфимском историческом архиве сохранилось дело о закрытии церкви в селе в 1937 г. Троицкая церковь с ноября 1936 уже не была действующей, не было при ней и священника. В небольшой Михаило-Архангельской церкви службы еще совершались. Хотя на собраниях многие колхозники были против (запротоколированы их выступления в защиту церкви “не мы строили не нам и ломать”),Троицкую церковь было решено перестроить под клуб. В деле находится выписка из протокола заседания президиума бакалинского райсполкома от 8 октября 1937 г. , где предлагается “Нагайбакскому сельсовету при оборудовании церкви на культурное здание сохранить надпись с купола “Сия церковь ранена Пугачевым”, как имеющая историческое значение”. Колокольню разобрали, купол оставили, убрали над ним только небольшую главку с крестом. [26]

Примерно в 1962 г. церковь во имя Архангела Михаила снесли, на этом месте сейчас находится магазин. 1970-е годы в местной печати писали о необходимости сохранения и реставрации Троицкой церкви - памятника архитектуры и истории. Речь даже шла об открытии музея, экспозиция которого могла бы рассказывать о восстании Пугачева и о его сподвижниках. Уфимский архитектор Г.Д.Вагин разработал эскиз церкви, какой, по его мнению, она была первоначальном виде. В статье, опубликованной в тогдашней молодежной газете “Ленинец”, он писал о церкви, что “...высота ее колокольни была около 25 метров. Большой колокол весил 40 пудов. Церковь была бревенчатой, снаружи обшита толстыми досками, с промазкой швов очень прочной

замазкой. Внутри стены оштукатурены и были расписаны, но роспись, к сожалению, не сохранилась. Сохранность дерева до сих пор хорошая”. [27]

Реконструкция Нагайбацкой Троицкой церкви, выполненная архитектором Г.Д.Вагиным

*Троицкая церковь села Нагайбакова
Фотографии Г.Д.Вагина, конец 1960-х начало 1970-х годов*

Вид с севера

*Вид с востока
На восьмерике место пробитое пугачевским ядром*

Музей открыт так и не был, к этому времени здание церкви было пустующим и стало постепенно разрушаться. К началу 1990-х годов состояние здания стало уже аварийным, стены начали рушиться. У небогатой сельской администрации денег на реставрацию церкви не было. Председатель Нагайбакского сельского совета, по ее словам, ездила в Бакалы и в Уфу, но и у государства средств на реставрацию не нашлось. В Нагайбаково приезжал благочинный, разрешил разобрать церковь с условием, что на этом месте построят молельный дом. Нагайбакскую Троицкую церковь разобрали в августе 1994 г., простояла она 249 лет. На этом месте жители села поставили памятный крест. Молельного дома в Нагайбаково пока нет.

Трагично, но нагайбакская церковь единственная в Уфимском крае, деревянная церковь XVIII в., уцелевшая не только во время пугачевской осады, но и в годы советской власти, была разрушена в 1994 г., так как не нашлось средств на ее восстановление.

Цепочка домов села Нагайбаково тянется с севера на юг вдоль высокого правого берега реки Ик. С востока к селу подступают горы-холмы. Сейчас уже ничто не напоминает о том, что когда-то здесь была Нагайбацкая крепость, стоявшая на вершине крутого обрыва над Иком. Остались только легенды о пугачевском кладе, зарытом в

пещере, о том как пугачевцы насыпали шапками мост через глубокий овраг, чтобы захватить Нагайбак. Нет крепости, нет Трицкой и Михаило-Архангельской церкви, но где-то в этой земле лежат и нашли свой вечный покой лихие нагайбацкие казаки их жены и дети, солдаты и офицеры, пугачевцы, замученный ими премьер-майор Афанасий Перский, крестьяне, священники, дьяконы, дьячки, пономари и их жены и дети. Упокой их, Господи, иже зде лежащих, всех православных мужей и православных христиан и сподоби их, Господи улучшить небеснаго Твоего Царствия, и прости им, Господи, всяко согрешение вольное и невольное, а имена их, Господи Ты Сам веси.

СЕЛО НАДЕЖДИНО (КУРОЕДОВО)

В отличие от Нагайбацкой крепости - Надеждино, в некоторых документах оно называлось еще по имени владельцев Куроедово, было совершенно другим селом. Небольшое помещичье владение не имело, может быть, столь бурной истории как Нагайбацкая крепость, но связано с жизнью и творчеством Сергея Тимофеевича Аксакова и описано им в “Семейной хронике” и “Детских годах Багрова-внука” под именем Парашино. В 1821-26 гг. Сергей Тимофеевич жил с семьей в Надеждино, которое принадлежало тогда Белебеевскому уезду Уфимской губернии. Сегодня Надеждино – расположенное на востоке Республики Башкортостан находится в Белебеевском районе.

История основания села подробно описана С.Т.Аксаковым в “Семейной хронике”. Двоюродная сестра деда писателя Прасковья Ивановна Багрова (на самом деле Надежда Ивановна Аксакова) в 1760-х годах вышла замуж за отставного майора Михаила Максимовича Куролесова (Куроедова). Получив за женой хорошее приданое – около 1200 душ крепостных, Куролесов занялся обустройством имений жены. “...Резиденцию свою и своей супруги устроил он в особом ее родовом материнском имении в селе Чурасове”(1, 99) (Чуфарове, находившимся в Симбирской губернии). В Чурасове Михаил Максимович “в два года вместо ветхой деревянной выстроил и снабдил великолепную утварью новую каменную церковь; даже славных певчих завел из своих дворовых людей”(1; 100).

В селе Чуфарове, которое расположено сейчас в Ульяновской области, М.М.Куроедовым действительно была построена церковь, и даже не одна. На мой запрос, из Государственного архива Ульяновской области мне сообщили следующие сведения. По данным на 1900 г. из книги Н.Бажанова “Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии” в селе Чуфарове было две церкви: “Холодный храм каменный, построен в 1789 г. помещиком Мих. Куроедовым; престол во имя Святой Троицы. Теплый храм, каменный же, построен в 1737 г. тем же помещиком; престол в нем во имя Святителя и Чудотворца Николая. При обоих храмах одна каменная колокольня.” Работники архива сообщили мне, что “Информация о дате постройки Никольской церкви не совпадает со сведениями, содержащимися в документах

Симбирского Покровского мужского монастыря, о том, что 30 мая 1791 г. игумен монастыря Еразм освящал новый каменный Никольский храм, выстроенный взамен пришедшего в ветхость деревянного”. Дата постройки Никольской церкви в 1791 г. мне представляется более реальной. Обе церкви сохранились. Троицкая церковь находится в разрушенном состоянии. Притвор и колокольня (общая на оба храма) были уничтожены в советское время. Никольская церковь пострадала от разрушений меньше. До недавнего времени в ней располагался клуб, с 1994 г. она вновь стала действующим храмом. Интересная деталь, если судить по присланным из Ульяновска фотографиям, Никольская церковь с.Чуфарове очень похожа на Дмитриевскую церковь с.Надеждино, и возможно они строились по одному проекту.

Но вернемся с рассказа С.Т. Аксакова об основании села Парашино (Надеждино). В ста верстах от Самары Куролесов купил землю и поселил на ней 350 душ крепостных. “...Потом отправился Михайла Максимович в Уфимское наместничество и купил у башкирцев...более двадцати тысяч десятин... Там поселил он, на истоке множества ключей, составляющих речку Большой Сююш, четыреста пятьдесят душ, да на речке Белебейке пятьдесят душ. Большую деревню назвал “Парашино”, а маленькую – “Ивановка”. Симбирское же имение называлось “Куролесово”, и все три названия составляли имя, отчество и фамилию его жены”. (1; 99)

Именно в Парашине (Надеждине) вдали от жены со временем началась “преступная, пьяного буйства исполненная жизнь” Михайлы Максимовича Куролесова. Всесильный помещик истязал крепостных крестьян, бесчинствуя, наводил страх и ужас на соседних мелкопоместных помещиков. “Он выбрал себе из дворовых и даже из крестьян десятка полтора головорезов, достойных исполнителей его воли, и образовал из них шайку разбойников. Видя, что барину все сходило с рук, они поверили его всемогуществу, и сами пьяные и развратные, охотно и смело исполняли все его безумные приказания”.(1; 104)

Так же как и в Чурасове, в Парашине Куролесов выстроил каменную церковь. Вот как об этом пишет С.Т.Аксаков. “...Замечательно, как необъяснимое явление и противоречие в искаженной человеческой природе, что Михайла Максимович, достигнув высшей степени разврата и лютой ревности, занялся построением каменной церкви в Парашине; он производил эту работу экономически. В то время, на котором остановился мой рассказ, церковь по наружности была отделана, и наняты были мастеровые для внутренней отделки; столяры, резчики, золотари и иконописцы уже несколько месяцев работали в Парашине, занимая весь господский дом (1; 107)”. На церкви были уже кресты. Аксаков описывает, как приехавшая внезапно Прасковья Ивановна, разоблачившая преступления мужа, о которых она ничего до этого не знала – “стоя на коленях и со слезами молилась Богу на новый церковный крест, который горел от восходящего солнца перед самыми окнами дома”(1; 110) [господского дома, авт.].

По предложенной Аксаковым хронологии, строительство церкви в Парашине (Надеждине), приезд Прасковьи Ивановны, расправа над ней Михаила Максимовича и его убийство крепостными крестьянами происходили в 1775-85-х годах. Прасковья Ивановна вышла замуж в 1760-х годах и была замужем 14 лет. При подготовке к публикации “Семейной хроники” первоначально цензура категорически запретила печатать главу о Куролесове. В январе 1855 г. С.Т.Аксаков писал А.И.Панаеву: “...Весь второй отрывок моей “Семейной хроники” запрещен. В нем описана жизнь одного буйного и жестокого помещика, существовавшего за 85 лет до настоящего года”.(1; 579) То есть Куролесов (Куроедов) “существовал” до 1770 г. К.А.Селиванов в книге “Литературные места Ульяновской области” пишет, что крепостные крестьяне убили Куроедова в 1792 г.[28] К сожалению, в книге отсутствуют ссылки и неизвестно на основании чего автор приводит именно эту дату.

Уфимские историки дореволюционного периода относили строительство церкви в с.Надеждине к 1799 г. И.Е. Златоверховников пишет, что Дмитриевская церковь была построена в 1799 г. Н.И.Куроедовой.[29] В работе К.П.Херувимова, посвященной столетию Уфимской епархии о селе Надеждине Белебеевского уезда приводятся следующие данные: “Судя по историческим данным, можно сказать только относительно древности сего поселения, что оно существовало в 1-й пол XVIII в.; в частности, из этих данных видно, что здесь в 1759 г. последовало освящение деревянной церкви по благословению архиепископа Казанскаго Гавриила (1755 - 1762). На месте ее в 1799 г. построена была г-жею Куроедовой каменная церковь во имя великомученика Дмитрия Солунскаго. Эта церковь продолжает существовать в селе Надеждине до настоящего времени. Судя по наименованию церкви, с вероятностию можно полагать, что деревянная церковь была во имя того же Великомученика”.[30] Возможно, убийство Куроедова, приостановило работы по строительству церкви, достраивалась она уже Надеждой Ивановной Куроедовой, и освящена, может быть, вторично, после окончания всех работ была уже в 1799 г.

Описанию Парашина (Надеждина) посвящена глава в “Детских годах Багрова-внука”. Впервые Сережа Аксаков был в селе в возрасте пяти лет, по дороге в имение деда. “С плоской возвышенности пошла дорога под изволок, и вот наконец, открылось перед нами лежащее на низменности богатое село Парашино, с каменной церковью и небольшим прудом в овраге... Наконец, мы въехали в село. В самое это время священник в полном облачении, неся крест на голове, предшествуемый диаконом с кадилом, образами и хоругвями и сопровождаемый огромною толпою народа, шел из церкви для совершения водоосвящения на иордани. Пение дьячков заглушалось колокольным звоном и только в промежутках врывалось в мой слух. Мы сейчас остановились, вышли из кареты и присоединились к народу. Мать вела меня за руку, а нянька несла мою сестрицу, которая с необыкновенным любопытством смотрела на

невиданное ею зрелище; мне же, хотя удалось видеть нечто подобное в Уфе, но тем не менее я смотрел на него с восхищением. После водосвятия, приложившись ко кресту, окропленные святой водою, получив от священника поздравление с благополучным приездом, пошли мы на господский двор, всего через улицу от церкви”. (1; 292) Пять лет Сереже Аксакову было в 1796 г. Описанный праздник - это Первый Спас, который отмечался 1 августа. (1; 291)

Уникальный памятник – Димитриевская церковь села Надеждино, претерпела значительные разрушения в советский период но к счастью сохранилась. Как и большинство православных храмов уфимского края была закрыта и разграблена в первой половине 1930-х годов. По рассказам местных жителей во время закрытия церкви “...собрались миряне всего села, плакали, потому что очень любили батюшку. Особенно плакали, когда вывели батюшку со связанными руками, и повезли его быстро. Он попросил проститься с народом. Батюшке дали эту возможность. Прежде всего, он попросил прощения, если чем-либо кого обидел, потом сказал, что он не виновен ни в чем. Просил не плакать о нем. Сказал, что это заблуждение, придет время, и все это кончится и церкви будут восстанавливать” (записано в 2004 г. по рассказу Агеевой М.В.1944 г.р., зав.отдела кадров Уфимского авиационного техникума, со слов ее бабушки жительницы ст.Аксаково). По архивным данным в 1934 в надеждинской церкви служил протоиерей Александр Надеждин. После закрытия с церкви сняли кресты, колокола, здание использовалось под клуб, колхозное зернохранилище. На гос. охрану памятник был поставлен постановлением Совета Министров БАССР № 856 от.27.08.47 г., но здание не реставрировалось и постепенно разрушалось. В начале 1970-х гг. склад закрыли, пытались разломать на стройматериалы, но безуспешно из-за крепости старинного раствора.

В 1980-х планировался снос церкви, но благодаря Богу и стараниями писателя М.А.Чванова (в настоящее время директора уфимского дома-музея С.Т.Аксакова) храм уцелел. В 1990-92 гг. по инициативе видных краеведов Г.Ф. и З.И.Гудковых в связи с 200-летием со дня рождения С.Т.Аксакова, проведена полная реставрация по проекту архитектора З.М.Хатмуллиной.

Восстановление велось на пожертвования прихожан. Жителей с.Надеждино, пос.Аксаково, г.Белебея, других близлежащих селений, так же на средства промышленных предприятий. Колокола отливались в г.Каменск-Уральске, одним из лучших колокольных мастеров России – Николаем Пятковым. Большой благовестный колокол (вес 41,4 пуда или 660 кг.) слышен за восемь км. в г.Белебее. В церкви была устроена крестильня для крещения полным погружением, устроена библиотека.

Современный вид Димитровской церкви с.Надеждино

В настоящее время Димитровская церковь является центром Аксаковского литературно-исторического музейного комплекса. Ежегодно в сентябре в с.Надеждино в Аксаковские дни приезжают гости – почитатели литературного таланта С.Т.Аксакова, среди них – члены Фонда Славянской письменности и культуры, помогавшие восстанавливать храм. Тогда же по Аксаковым совершается поминальная служба.

Метрические книги села Надеждина (Куроедова) в Уфимском историческом архиве хранятся с 1799 г. Архивное дело с метрическими книгами за 1799-1813 гг.[31] весьма интересно и необходимо его дальнейшее более тщательное изучение. В деле кроме этого содержатся рукописные копии правительственных указов (они, видимо, присылались причту епархиальным начальством), духовные ведомости, брачные обыски, ревизские сказки и клировые ведомости.

Из этих документов можно узнать не только имена духовенства Димитриевской церкви села Надеждина конца XVIII - начала XIX вв., но для некоторых: возраст, сведения о семьях, послужной список. В клировых ведомостях приводятся данные об убранстве церкви, составе и численности прихода.

С 1799 г. по 1803 г. в Димитриевской церкви села Надеждина (Куроедова) священником служил **Павел Анисимов**.

В 1799 г. дьячком состоял **Кузьма Евстигнеев**. Он был сыном священника, но духовного образования не получил. В 17 лет 15 ноября 1790 г. преосвященным Амвросием епископом Казанским он посвящен в стихарь и определен в с.Чертаклык к Троицкой церкви, 19 октября 1799 г. переведен в с.Надеждино на дьяческое место. Село Чердаклык, видимо, находилось недалеко от Симбирска (существующее сейчас

с.Чердаклы). Кузьме Евстигнееву с семьей пришлось ехать за много верст на новое место службы.

В 1802 г. впервые как дьякон с. Надеждина упоминается **Николай Анисимов**, в 1802 г. ему было 26 лет, возможно, священник села и дьякон были братьями..

В 1804 г. в назначается новый священник о.**Дмитрий Федоров**. Был ему 41 год, его жене Федосье Афанасьевой – 47 лет, единственному их сыну Илье - 6 лет.

У дьякона и дьячка к этому времени были уже большие семьи. У дьякона Николая Анисимова: жена Агриппина Леонтьева (32 года, на год старше мужа); дочери: Надежда - 10 лет, Катерина – 7 лет, Настасья – 5 лет, Евпраксия – 3 года, и сын Василий родился в 1804 г. У дьячка Кузьмы Евстигнеева и его жены Пелагеи Петровой (обоим был 31 год) были четыре дочери Евпраксия – 9 лет, Елена – 6 лет, Татьяна – 3 года, и родившаяся в 1804 г. Ирина. Пелагея Петрова была дочерью священника села Тоузакова Петра Алексеева. Вместе с ней жила ее 18-тилетняя незамужняя сестра Евдокия Петрова. Их отец священник к этому времени уже умер. (В “Истории Пугачева” А.С.Пушкина упоминаются пензенские дворяне Тоузаковы, убитые во время бунта. Возможно, село Тоузаково находилось в окрестностях Пензы. Кроме того Тоузаковы служили и в Оренбургской губернии, известен надворный советник Я.А.Тоузаков в 1778-89 гг. бывший директором Троицкой пограничной Таможни.[32] Я пишу об этом так подробно, так как эти сведения дают представление из каких мест прибывало новое духовенство в отдаленную Оренбургско-Уфимскую епархию.)

Два года 1805 и 1806 причт Димитриевской церкви села Надеждина оставался таким же. 25 марта 1807 г. преосвященным Августином, епископом Оренбургским и Уфимским в с.Надеждино во священники был рукоположен молодой 25–летний о.**Павел Александров**, сын протоиерея, до этого обучавшийся в Оренбургской семинарии. Женой его была 16-ти летняя Фиона Николаева.

В метрической книге за 1807 сохранилась клировая ведомость, в которой есть краткое описание церкви и состав прихода. “Церковь во имя Великомученика Димитрия, каменная, без приделов. Благолепия по обычаю. Изрядно украшенные сосуды серебряные и позлащенные, книги церковные имеются. В приходе церковном мужского пола – 808, женского – 810, обоего – 1618. Прихожане – помещичьи крестьяне. Деревни: Ивановка в расстоянии от церкви в 6-ти; Мартыновка в 15-ти; Богинеково в 20–ти; Племянниково в 20-ти верстах”.

В причте церкви долгое время не было пономаря. В 1808 г. пономарем назначается 21-летний **Кирилл Петров**. Кирилл Петров был братом Пелагеи Петровой, жены надеждинского дьячка Кузьмы Евстигнеева. Кирилл Петров прослужил в Надеждине только один год. С ним жили жена Наталья Игнатъева, которой тоже был 21 год и 22-х летняя сестра Авдотья Петрова, которая затем опять осталась жить в семье сестры.

В 1809 г. дьякон Николай Анисимов, видимо, был переведен в другой приход. Во дьяконы рукоположен Кузьма Евстигнеев. У священника о.Павла родилась дочь Феокиста, а у дьякона о.Кузьмы сын Василий.

12 апреля 1811 г. прослужив в Надеждине 12 лет, в возрасте 38 лет умер дьякон Кузьма Евстигнеев. Старожилы села рассказывают, что еще в 1960-е годы, около южной стены церкви лежала надгробная плита, на которой была надпись о том, что под нею похоронен дьякон Косьма, много лет прослуживший в церкви. Возможно, это и был дьякон Кузьма Евстигнеев.

В марте 1811 г. в церковь назначается новый священник - **Иоанн Семенов Кибардин**. Ему было еще только 20 лет. Дьяческий сын. Обучался в Оренбургской семинарии. 1 января 1811 г. преосвященным Августином епископом Оренбургским и Уфимским рукоположен во дьякона к храму Благовещения Пресвятой Богородицы Благовещенского завода (Благовещенский завод – ныне город Благовещенск). 1 марта 1811 г. рукоположен во священники в с. Надеждино. В этом же году у о.Иоанна и его жены 18–летней Марии Андриановой, которая была дочерью священника, родился сын Александр. Браки в среде духовенства были в основном сословными, и это была не только дань традиции. В Уфимском историческом архиве хранится дело 1853 г. “об исключении из духовного звания дьячка с.Бакалов Льва Максимова Юрицкого, ввиду его женитьбы без разрешения начальства с лицом другого звания.” Бакалинский дьячок женился на крестьянке, за проступок был лишен духовного звания и причислен к податному сословию.[33] Кроме того, существовала практика, когда дочь умершего священно- или церковнослужителя “наследовала” его место, то есть штатное место отца, передавалось ее мужу. В XVIII- начале XIX в. фамилии в среде духовенства, по какой то причине, в документах почти не встречаются. Видимо Кибардины одно из редких исключений. В 1749 г. в селе Каракулино звонарем (то есть пономарем) служил Никита Семенов Кибардин. [34] (старинное дворцовое село Каракулино, находилось на р.Каме, между устьем р.Белой и селом Николо-Березовкой, ныне расположено на территории Удмуртской Республики.) Впоследствии в Уфимской епархии будут служить священно- и церковнослужители Кибардины – эта фамилия часто упоминается, например, в официальных отделах дореволюционных выпусков “Уфимских епархиальных ведомостей”. Видимо, кто-то из них - потомки надеждинского священника Иоанна Кибардина.

В августе в село прибыл новый пономарь 23 -летний **Николай Степанов** Сын священника. В семинарии не обучался. 3 декабря 1807 г. по указу Оренбургской консистории определен в Черемшанскую крепость пономарем. (Черемшанская крепость, находилась на так называемой Новой Закамской линии, между Самарой и Мензелинском. Ныне это село Черемшан, расположенное на юге Татарии) 13 августа 1811 г. переведен в с.Надеждино. У пономаря Николая Семенова была жена 22-летняя Федосья Николаева.

Умерший дьякон Кузьма Евстигнеев оставил большую семью – жену, и шестерых детей. С ними жила еще свояченица. Чтобы семья не осталась без средств к существованию, 30 сентября 1811 г. указом

Оренбургской консистории, на дьяческую должность назначается его пятилетний сын **Павел Кузьмин**. Видимо, такая практика существовала. Возможно, уже в этом возрасте Павел Кузьмин принимал посильное участие в церковной службе. В 1811 г. просфорней при церкви была вдова, крестьянская жена Татьяна Алексеева.

В 1812 г. причт оставался прежним, только просфорнями были 73-летняя Федосья Александрова, крестьянская вдова и жена умершего дьякона Пелагея Петрова.

Не изменился причт и в 1813 г. Так как 1813 был последним годом записей в метрической книге Димитриевской церкви села Надеждина (Куроедова), которую я просмотрела, приведу еще раз состав причта церкви и членов их семей. Духовное сословие села состояло из 15 человек. Священник Иоанн Семенов Кибардин – 22 лет, его жена 20-летняя Мария Андрианова, их 2-летний сын Александр. В семье священника жил его 15-летний брат тоже Иван. Дьяконское место оставалось праздным. Дьячком состоял 7-летний Павел Кузьмин. Пономарем был Николай Степанов – 25 лет, его жена Федосья Николаева – 24 лет. Жена умершего дьякона Пелагея Петрова, которой к этому времени было 38 лет жила с дочерьми: Евдокией – 17 лет, Еленой – 14 лет, Татьяной – 11 лет, Ириной – 9 лет; сыновьями Павлом и самым младшим 3-летним Василием. Авдотья Петрова, жившая в их семье, в 1813 г. уже не указана, возможно, вышла замуж. Просфорней при церкви состояла 60-летняя Анна Яковлева, вдова, крестьянская жена.

Священно- и церковнослужители
церкви во имя святого Великомученника Димитрия Солунского
села Надеждина (Куроедова) в 1799 – 1813 гг.

<u>Священники:</u>	Примерные годы службы
Павел Анисимов	1799 – 1803 1804 – 1806
Дмитрий Федоров (род. в 1763 г.)	
Павел Александров (род. в 1782 г.)	1807 – 1809
Иоанн Семенов Кибардин (род. в 1791 г.)	1811 – 1813
<u>Дьяконы:</u>	
Николай Анисимов (род. в 1773 г.)	1802 - 1808
<u>Дьячки:</u>	
Кузьма Евстигнеев (1773 – 1811)	1799 - 1811
с 1809 г. дьякон	
Павел Кузьмин (род. в 1806 г.)	1811 - 1813
<u>Пономари:</u>	
Кирилл Петров (род. в 1787 г.)	1808
Николай Степанов (род. в 1788 г.)	1811 - 1813

Вот все те немногие сведения, которые мне удалось найти о духовенстве Нагайбацкой крепости и села Надеждина (Куроедова) конца XVIII начале XIX в. Закончить статью мне хотелось бы словами Сергея Тимофеевича Аксакова, которые можно было бы отнести и к этим сельским священникам, дьяконам, дьячкам и пономарям служившим в первые годы при образовании Уфимско-Оренбургской епархии: "...Вы не

великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно очень давно его оставили: но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для нас, как мы и наша жизнь в свою очередь будем любопытны и поучительны для потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, с незапамятных времен представляемого человечеством, так же добросовестно разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же стоите воспоминания. Могучею силою письма и печати познакомлено с вами ваше потомство. Оно встретило вас с сочувствием и признало в вас братьев, когда и как бы вы ни жили, в каком бы платье не ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом.”(1; 260)

Список использованной литературы

1. Игнатъев Р.Г. Краткое известие о бывших монастырях в Уфимской губернии. Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 год.С.187.
2. Васильева О.В.,Латыпова В.В. и др. Дорога к храму. История религиозных учреждений г.Уфы
3. Сергеев Ю.Н.Уфимско-Оренбургские епископы первой половины XIX в.: Материалы к биографическому словарю //Башкирский край. Вып.5, Уфа. 1994. С.43.
4. Аксаков С.Т. Собрание сочинений, т.2, М., Издательство “Правда”. 1966. С.8,9. Последующие ссылки даны по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте: (2; 8,9).
5. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии.Уфа: Китап, 1997. С.218.
6. Акманов И.Г.Основные этапы переселения русского населения в Башкортостан//Культурные и духовные традиции русских Башкортостана. История и современность: сборник трудов. ЧастьI. /Издание БГУ. Уфа,1998. С.32.
7. Буканова Р.Г.Указ.соч.С.219.
8. Материалы по истории Башкирской АССР,т.V.-М.:Издательство Академии наук СССР.1960.С.387,388.
9. Златоверховников И.Е. Уфимская епархия. Уфа, 1899. ; Херувимов К.П. К столетию епископальной кафедры и консисториального управления в Уфе. Дополнение к истории образования христианских поселений в Уфимском крае в XVIII в.// Уфимские епархиальные ведомости. Уфа. 1900. ; Ширгазин А.Р. Православные храмы Башкирии. История и архитектура. Каталог-справочник. Уфа, 1995.
10. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап,1999. С.270.
11. Народы России.Энциклопедия.М.,Научное издательство Большая Российская энциклопедия.1994.С.238.; Макаров Г.М. Нагайбаки//www.kryashen.ru (сетевой

этнокультурный проект кряшенского народа); Журавский А. Кряшены //www.sedmitza.ru.

12. Петров А.А.Историография вопроса о происхождении казачества//www.kazakirossii.narod.ru.
13. Херувимов К.П. Указ.соч.С.408.
14. Буканова Р.Г. Указ.соч.С.558.
15. Материалы по истории Башкирской АССР,т.III.-М.:Издательство Академии наук СССР.1949.С.387,388.
16. Буканова Р.Г. Указ.соч.С.226.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений, т.5, Санкт-Петербург, Издательство Библиополис. 1994 С.23. Последующие ссылки даны по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте: (5; 439)
18. Таймасов С.У. Восстание 1773-1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С.94.
19. Латыпова В.В., Васильева О.В., и др. Географические наименования Башкирии в работах А.С.Пушкина. А.С.Пушкин и Башкортостан. Уфа: ЦГИА РБ, 1999, с.31.
20. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп.1, д.354.
21. ЦГИА РБ, ф.И-351, оп.1, д.1603.
22. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90 годы XIX в. М.: "Наука", 1994. С.142,143.
23. Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М.Издание К.И.Тихомирова.1909.С
24. Справочная книжка Уфимской губернии /Сост.: Н.А.Гурвич.-Уфа: Губ.типография., 1873. С.58.
25. Златоверховников И.Е. Указ.соч. с.
26. ЦГИА РБ, ф.И-394, оп.2, д.2941.
27. Вагин Г.Д. Памятник Нагайбакской старины. / "Ленинец", 24 марта 1977.
28. Селиванов К.А. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1669. С.96.
29. Златоверховников И.Е. Указ.соч. С.156.
30. Херувимов К.П. Указ.соч. С.407.
31. ЦГИА РБ, ф.И-295, оп.1, д.337.
32. Мат. по истор. Башк. АССР,т.III.Указ.соч.С.74,240.
33. ЦГИА РБ, ф.И-1, оп.1, д.2811.
34. Мат. по истор. Башк. АССР,т.V.Указ.соч.С.464,465.